

О КУЛЬЁГАНСКОМ ТИПЕ ПАМЯТНИКОВ

Рассматривается кульёганский тип археологических памятников Сургутского Приобья (1–2-я трети II тыс. до н.э.), относящийся к одному из ранних локальных вариантов КИО керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией. В Среднеобье известно ок. 40 памятников. Раскопаны остатки 19 построек, в том числе укрепленные жилища. Керамика – открытые и закрытые плоскодонные толстостенные банки удлинённых пропорций, украшенные в основном гребенчатым штампом. Орнаментальные композиции состоят из монотонных поясков вертикальных или наклонных оттисков «гребенки», прямых линий, зигзагов, чередующихся с рядами ямок разной формы или зонами каннелюров. Есть пальцевые вдавления. Геометрические фигуры редки. Наиболее близки кульёганским поздние полымьятские сосуды, а также с Большеларьяжских поселений. Есть параллели с посудой ташковской, кротовской, степановской, одиновской культур и тух-эморского типа. На памятниках найдены также невыразительные каменные изделия, глиняные грузила, обломки литейных форм, тигли, сопла, капли металла, обломки изделий.

Ключевые слова: бронзовый век, кульёганский тип памятников, Сургутское Приобье

Кульёганский тип археологических памятников характеризует начало бронзового века Сургутского Приобья (1–2-я трети II тыс. до н.э.) и относится к одному из ранних локальных вариантов культурно-исторической общности (КИО) керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией этой эпохи. Впервые гребенчато-ямочная керамика была обнаружена в урочище Барсова гора (на правом берегу Оби в 5–12 км к западу от г. Сургута) разведкой Уральской археологической экспедиции в 1968 г. Несколько фрагментов с таким орнаментом были найдены в 1971 г. при раскопках кулайского жилища 109 на поселении Барсова Гора-III. Небольшая коллекция гребенчато-ямочной керамики собрана на городищах Барсов Городок-I/1 и I/2 в 1973 г. Тогда же на средневековом городище Барсов Городок-II/14 были выявлены остатки углубленного жилища с гребенчато-ямочной керамикой (селище Барсова Гора-II/36). Долгое время эта коллекция была самой представительной, позволявшей судить о посуде, бытовавшей в Сургутском Приобье в середине II тыс. до н.э. Последующими раскопками и разведками обнаружено около 20 памятников с ранней гребенчато-ямочной керамикой на Барсовой горе и почти столько же за ее пределами, но большинство коллекций были малопредставительны. Первое хорошо сохранившееся жилище этого периода было вскрыто на поселении Барсова Гора-II/8в [Зыков, 1987]. Позднее два жилища исследованы на поселении Чернореченское-I, расположенном в черте Сургута [Косинская, 1998].

Как оригинальный культурный тип сургутские памятники с ранней гребенчато-ямочной керамикой были охарактеризованы автором на VII Уральском археологическом совещании в Ижевске (1980) и VI Международном конгрессе финно-угроведов (1985), а впоследствии описаны [Чемякин, 1989; 1994; 2008 и др.]. Однако недостаток топонимов на Барсовой горе не позволил дать им (как и неолитическим памятникам, позднее названным быстринскими) собственное имя. В 1995 г. после открытия подобных древностей на реках Быстрый Кульёган и Моховая В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым был предложен для них термин «кульёганский тип» [Борзунов и др., 1995, с. 4]. Сегодня количество раскопанных в разной степени сооружений на 11 (13) памятниках достигло 16 (19), однако и новые материалы не

отражают возможное разнообразие существовавших в тот период построек. Мало пока данных и о планировке поселений.

На Барсовой горе практически все кульёганские материалы получены с многослойных памятников, насчитывающих до нескольких десятков впадин. И хотя древние объекты хорошо выражены в рельефе местности, определить без раскопок их хронологию, а, соответственно, и планировку поселков нельзя. Памятниками, дающими представление о характере застройки в рассматриваемую эпоху, являются поселения Чернореченское-1 и Малая Моховая-1. На первом выявлено 17 беспорядочно расположенных впадин размерами от 3,5×2,6 до 7,6×7,5 м и глубиной 0,1–0,5 м [Косинская, 1998], на втором – две впадины подчетырёхугольной и округлой формы размерами 6,0×5,0×0,4–0,5 и 4,5×4,0×0,8 м, соответственно [Стефанов, 2002]. Существовали и иные типы застройки, а также большие одиночные жилища, подобные известным в бассейне р. Конды. К ним относятся укрепленные жилища Быстрый Кульёган-38 [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011], Барсова Гора-II/22 [Борзунов и др., 2010] в Сургутском Приобье, Щетнмато-лор в бассейне р. Пур (ЯНАО) [Косинская, 2000]. Памятники этого времени занимают как высокие береговые террасы, так и побережья озер, к настоящему времени нередко превратившиеся в болота.

Абсолютное большинство раскопанных жилищ реконструируются как прямоугольные или квадратные постройки каркасно-столбовой конструкции с углубленным на 0,4–0,8 м котлованом площадью от 30 до 50 кв. м, с очагом в центре. Жилище с котлованом размером 9,3–11,0×7,9–10,3×0,5 м (площадью ок. 110 кв. м) исследовано на пос. Барсова Гора-II/8в, а маленькая полуземлянка площадью 16 кв. м – на поселении Малая Моховая-1 [Стефанов, 2002, с. 99–103]. Изученные укрепленные жилища также имели каркасно-столбовую конструкцию, углубленные на 0,3–0,9 м котлованы размерами от 10×11 до 20×13 м, вертикальные стенки которых обшивались деревом. Ровные полы, вероятно, имели деревянное покрытие. Внутри котлована или вокруг него располагались нары. В самих котлованах зафиксированы очаги и хозяйственные ямы. Наклонные или вертикальные стены, укрепленные снаружи завалинкой высотой до 1,0–1,5 м, находились на некотором расстоянии от краев котлованов. Постройки были окружены рвом и валом (возможно, деревянной стеной) [Борзунов и др., 2010, с. 189–193; Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 61–63]. На поселении Коим-1 выявлена большая группа подпрямоугольных ям и, возможно, захоронение (остатки костяка не сохранились или отсутствовали изначально) [Сергеев, Погодин, 2008].

Кульёганская посуда – плоскодонная, удлиненных баночных, реже горшечно-баночных форм. Среди них есть как открытые, так и закрытые (со слабым загибом плечика внутрь) емкости. Встречаются открытые чаши. На поселении Барсова Гора-II/8 найдены очень большие сосуды, с диаметром по венчику до 42 см и высотой до 54 см. Венчики емкостей плоские, редко округлые, иногда скошены наружу. На большинстве памятников встречены сосуды с волнистым краем. Средняя толщина стенок ок. 10 мм, толщина днища больше. Наружная поверхность чаще всего тщательно заглаживалась, внутренняя – обработана щепой или гребенчатым штампом. Глиняное тесто рыхлое, с большим содержанием крупных зерен шамота, иногда песка. Вероятно, были и какие-то органические добавки. Примесь жидкой органики определена в рецептуре формовочных масс на поселении Чернореченское-1 [Косинская, 1998, с. 99]. Обжиг керамики часто плохой.

Внешняя поверхность сосудов декорирована полностью. В большинстве случаев украшались венчики и днища. Преобладают оттиски гребенчатого штампа, чередующиеся с различными ямочными наколами. Гребенчатые штампы разнообразны: двузубые, короткие (трех-четырёхзубые), длинные (до 7–8 и более зубцов), с треугольными зубцами. Оттиски гребенки делались плотно, иногда с отступанием. Орнаменты вдавливались как перпендикулярно, так и под углом к поверхности. Изредка применялись прокатывание и «шагающая» гребенка. Среди ямок и вдавлений есть круглые (различающиеся диаметром и глубиной), овальные, квадратные, а также пальцевые. Иногда ямки заменялись глубокими вдавлениями короткого гребенчатого штампа. Редко встречаются другие штампы (струйчатые, в виде змейки, гладкие), а также резная техника (прочерчивание). Некоторые сосуды украшены широкими или узкими желобками – прямыми, волнистыми или зигзагообразными. Единично встречаются валики, как выдавленные, так и наклепные.

Орнаментальные композиции состоят из монотонных горизонтальных прямых или зигзагообразных (волнистых) поясков, разделенных ямками (в т.ч. спаренными), глубокими вдавлениями короткого штампа или желобками. Пояски образованы вертикальными или наклонными оттисками штампов. В небольшом количестве представлены геометрические фигуры (ромбы, треугольники), фестоны. Иногда углы фигур и зигзагов подчеркивались ямками. Ямочными вдавлениями выполнены и некоторые элементы узоров, в их числе треугольники, ромбы, короткие зигзаги и др. Есть сосуды, в орнаменте которых ямки отсутствуют. На посуде из укрепленного жилища Быстрый Кульёган-38 широко представлены зоны горизонтальных оттисков штампа, поставленных в шахматном порядке [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 65, рис. 10.-2–4; 12.-2–5, 7–8]. Венчики украшены наклонными оттисками гребенчатого или мелкоструйчатого штампа, гребенчатым зигзагом, пальцевыми вдавлениями. Орнамент на днищах наносился аналогичными орнаментами или вдавлениями пальцев (рис.-9, 11, 12). Как правило, это концентрические полосы оттисков штампа или ямок (вдавлений), параллельные или радиальные ленты, перпендикулярно заштрихованные секторы.

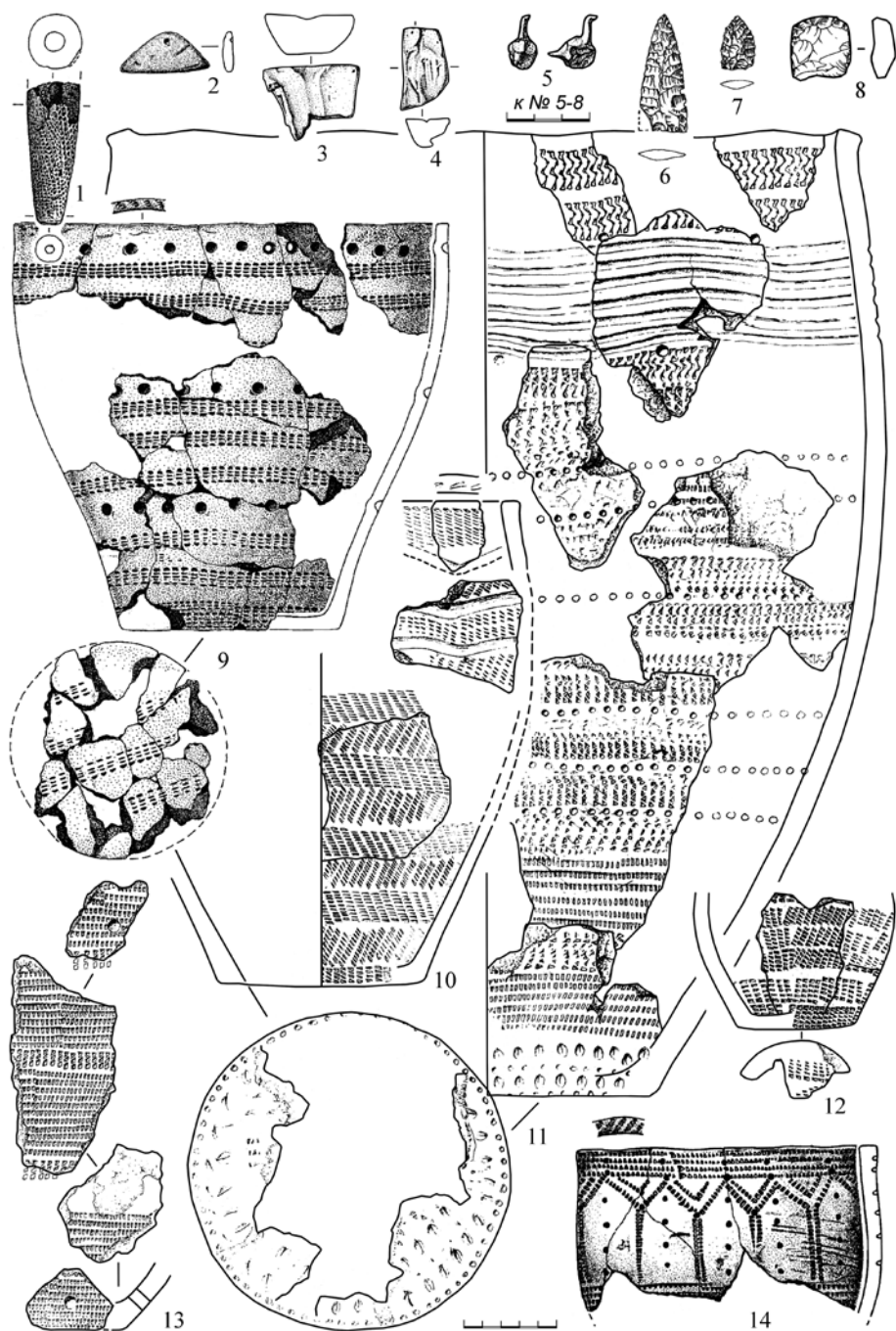
Во многих коллекциях есть шпатели, ложила и скребки, сделанные из обломков сосудов. Глиняные грузила найдены на поселении Коим-1. Там же обнаружены обломки керамической рыбки. Глиняное изображение водоплавающей птицы происходит с поселения Чернореченское-I (рис.-5). Каменные изделия и отходы их производства малочисленны и сделаны в основном из местного сырья невысокого качества: кварцитов, кремневых пород, сланцев, лимонита. Это отбойники, молотки, наковальни из галек, абразивы, шлифовальники, ножи, скребло, скребки (рис.-8), резец и резчики, сверло, долотовидное орудие, шлифованные топор и тесло. Кремневые наконечники стрел разных форм найдены на комплексе памятников Нёх-Урий в бассейне Агана (рис.-6, 7), на поселениях Щетнмат-лор в бассейне Пура и Коим-1 на одноименной левобережной протоке Оби в Нижневартовском р-не ХМАО. На последнем памятнике они сделаны из качественного розового кремня и находят аналогии в сейминско-турбинских и ташковских комплексах. Сегментовидные подвески-лунницы из сланца (укрепленное жилище Быстрый Кульёган-38, рис.-2) близки подвескам кротовской и самусьской культур. Костяные предметы из-за плохой сохранности материала единичны – проколки, тесла-лопатки, нож, обломок рога с нарезками.

С местной цветной металлообработкой связаны капли металла, обломки изделий, глиняные сопла (рис.-1) и тигли, обломки литейных форм и сердечников (?), ошлакованные фрагменты керамики. Фрагменты литейных форм известны на поселениях Савкинская Речка-I [Мызников, Косинская, Стефанов, 2012], Нёх-Урий-5.1 [Стефанов, Данилова, 2013], Балинское-1 (культурная принадлежность последнего решается неоднозначно [Кокшаров, Баранов, 2017]). Возможно, обломки сердечников (?) найдены на поселениях Чернореченское-I и Малая Моховая-I, однако однозначно трактовать их нельзя [Косинская, 1998, рис. 4.-4; Стефанов, 2002, рис. 7.-3]. Шесть обломков глиняных литейных форм с поселения Барсова Гора-II/8в настолько малы и невыразительны, что по ним нельзя реконструировать отливавшиеся вещи (рис.-3, 4). Можно лишь отметить, что литье производилось в двусторонних формах. Как замечает С.Ф. Кокшаров, «вряд ли выявленная традиция (литья в двусторонних формах. – Ю.Ч.) привнесена сейминско-турбинскими мигрантами Южной Сибири ... или андроновским населением, поскольку памятники тех и других появляются позднее. Для решения проблемы следовало бы обратиться к составу металла, поступавшего к кульгганскому населению, но пока его находки единичны. Изучение примесей позволило бы локализовать рудные источники и проследить пути, по которым металл и изделия из него попадали на север Западной Сибири и, в частности, в Сургутское Приобье» [Кокшаров, Баранов, 2017, с. 48]. И с этим трудно не согласиться.

Собраны на кульгганских памятниках и фаунистические коллекции. Они свидетельствуют о занятии населения рыболовством и охотой, но судить о соотношении этих промыслов по ним нельзя. Среди объектов охоты – северный олень, лось, росомаха, соболь или куница. Последние виды добывались ради меха, в т.ч. для меновой торговли. На Чернореченском-I поселении найдена кость утки. Рыболовство документировано костями щуки, окуня, карповых.

По форме и орнаментальным композициям кульгганская керамика близка посуде позднелымынского и одиновского типов, некоторым сосудам степановского и отчасти тух-эмторского этапов бронзового века Васюганья, а также (в меньшей степени) ташковской и кротовской культур. В то же время нельзя не отметить и ее специфичность, проявляющуюся в абсолютном доминировании печатно-гребенчатой техники, малой доле геометрических орнаментов. К оригинальным кульгганским признакам следует отнести использование длинного гребенчатого штампа с широкими прямоугольными зубцами. В сравнении: для ташковской посуды характерно разнообразие технических приемов нанесения орнамента, причем преобладает отступающе-накольчатый [Ковалева, 1997, с. 29–31]. На поселении Ташково-II довольно много емкостей с валиками по основанию шейки, очень редкими на кульгганской керамике. Кротовские сосуды украшались, как правило, гребенчатым штампом, но преимущественно в шагающей технике. Декорировались они и валиками [Молодин, 1977, табл. LIV, LVII; Косарев, 1993, с. 87–88, рис. 33; Стефанова, 1988, рис. 2, 3]. На посуде степановского этапа (культуры) многие узоры выполнялись гребенчатым штампом в отступающей манере; встречаются многоугольные сосуды [Кирюшин, 2004, с. 75–76; рис. 84–90]. В декоре посуды тух-эмторского этапа в сравнении с кульгганской более многообразны и часты геометрические узоры [Кирюшин, 2004, рис. 110–119].

Пожалуй, больше всего сходства между кульгганской и поздней лымынской керамикой бассейна Конды (поселения Пашкин Бор-1, Волонча-1 и др.) [Стефанова,

Кульеганский тип памятников. Керамика и вещевой инвентарь:

1, 9 – селище Нёх-Урий-5.1; 2, 14 – укрепленное жилище Быстрый Кульеган-38;
3, 4, 10–13 – селище Барсова Гора-II/8в; 5 – поселение Чернореченское-I; 6, 7 – селище
Нёх-Урий-3.2; 8 – поселение Малая Моховая-I (2, 6–8 – камень, остальное – глина)

Кокшаров, 1988, рис. 4, 5; Кокшаров, 1991, рис. 2.-10–18], а также большеларьякской бассейна Ваха [Посредников, 1978, рис. 1.-6]. Видимо, эти комплексы синхронны. Еще недавно они датировались серединой – 3-й четвертью (или 2-й третью) II тыс. до н.э. [Кокшаров, 1991, с. 96–98; Васильев, 1978; 2005]. Сегодня наметилась тенденция к их удревнению, базирующаяся в первую очередь на радиоуглеродных датах [Кокшаров, Баранов, 2017, с. 46–47]. Однако большой разброс в имеющихся датах, в том числе на одном памятнике, а также большой интервал допустимых значений требуют их осторожного использования.

Кульёганские древности – достаточно сложное образование, в рамках которого со временем могут быть выделены хронологические стадии и статус которого (как барсовогорского, полымьятского и ряда других типов памятников) может быть повышен до уровня археологической культуры. Процесс этот бесконечен, и материалы каждого нового исследованного памятника могут дополнить, уточнить характеристику типа, его датировку, а иногда и изменить некоторые представления о нем.

Резкая смена орнаментальной традиции в бронзовом веке, наблюдаемая по имеющимся материалам, не позволяет выводить кульёганские комплексы непосредственно из поздних барсовогорских. Но хотелось бы отметить два момента в исследовании древностей конца III – 1-й половины II тыс. до н.э. таежного Обь-Иртышья. Малочисленность источников этого периода делает невозможным составление полной стратиграфической колонки практически на всей обозначенной территории. В то же время многие исследователи отмечают постоянное присутствие в памятниках доандроновской эпохи плоскодонной слабопрофилированной баночной посуды, украшенной оттисками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями. Данное обстоятельство, а также редкие случаи сочетания гребенчато-ямочных узоров с выполненными в отступающе-накольчатой манере на сосудах из памятников с гребенчато-ямочной керамикой (Барсова Гора-I/6, Большой Ларьяк-III) позволяют предполагать, что смена культур не явилась результатом миграции и вытеснения (дальше на север?) или уничтожения аборигенного населения Среднеобья. Изменения могли произойти под воздействием эпохальных сдвигов в таежном обществе в конце III – начале II тыс. до н.э. Они связаны с возрастанием роли металла, изменением (?) и активизацией торговых контактов; вероятно, с появлением новых культов, какими-то иными переменами в обществе, вызвавшими в том числе распространение укрепленных жилищ [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 67], а также с климатическим оптимумом конца III – начала II тыс. до н.э. При этом мы не отрицаем внешнее влияние и даже миграции отдельных коллективов, входивших в общность керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией и обитавших западнее и южнее Средней Оби. Вероятно, роль последних в какой-то степени может быть сравнима с ролью атлымских групп в сложении общности керамики с крестово-струйчато-ямочной орнаментацией периода поздней бронзы.

Библиографический список

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.

Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Археологическая разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района и ее основные итоги: Рукопись полного варианта статьи, представленной в сборник «Археологические открытия 1995 г.». // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. IV. Д. 42.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2 (46).

Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

Васильев Е.А. Культурно-историческая общность гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 4. Ханты-Мансийск, 2005.

Зыков А.П. Отчет об исследовании археологических памятников в урочище Барсова гора у пос. Барсово Сургутского района Тюменской области летом 1987 г. Т. II // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. №12344.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-II. Екатеринбург, 1997.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.

Кокшаров С.Ф., Баранов М.Ю. Следы металлопроизводства бронзового века с поселения Балинское-1 (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) // РА. 2017. №2.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М., 1993.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 годов) // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3.

Косинская Л.Л. Чернореченское-I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка-1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Вып. 3 (18).

Посредников В.А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978.

Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим-1 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.

Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002.

Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности Среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 11. Ханты-Мансийск; Томск, 2013.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. №3.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

Чемякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье во II–I тысячелетиях до н.э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.